

Каучуковый Нос или начало взаимопонимания

Борис Инфантьев

Так озаглавлен рассказ молодого прозаика Э. Тауриньша, опубликованный в 1990 году в сборнике Государственного издательства («Рассказы»).

Стр. 173.

В Яньстрели мы прибыли кто откуда. Володя Овчинников — с Курильских островов. Я — Виктор Маршев — из Иркутска.

Двадцать первого июня Абдель Михайлов поехал за покупками и пробыл в этом путешествии большую часть послеобеденного времени, аж до вечера. Приехал взволнованный.

— Братва, я мог бы рассказать, что узнал. Через три дня в Яньстрели будет поедание пельменей, разжигание огней Песни... У них такой праздник — Лиго. Ничего не скажешь — до утра.

Я бы мог им сказать, что Лиго — это кое-что-то весьма важное, серьезное. Что-то об этом празднике я уже слышал, находясь с 1957 по 1975 год в Яньстрели, когда был здесь я и еще двое, и еще три девушки из Одессы.

Абдель сердился: в этой стороне нет виноградинок. Чем будут лакомиться Нуце и Маргалита — его сестры, когда приедут сюда.

Стр. 176.

Николай Бобров в пасмурной горячке спросил:

— А если яньстрельцы не захотят драться?

— Нет, — сказал я, — не захотят. Будут только праздновать.

— Жалко. Но все равно!

Стр. 176.

Итак, я снова не сказал, что знал о Лиго. Горюю, будто бы какую-то малость из себя таким образом распродал.

— Ерунда, — я себя оборвал, ерзая на мотоцикле, ведь ты, Виктор Маршев — не яньстрелевец. Если бы я растворился в яньстрелевцах... Они почти в каждом жесте, взгляде, слове, которое произносили на своем языке, чувствовали свое превосходство надо мной.

И этого я не мог простить. Если бы они поплакали, или смутились, или напились бы так, чтобы их пришлось держать за ребра, мы, возможно, поняли бы друг друга лучше.

Стр. 177.

Николай Бобров с изображением бородастого испанца на спине рубашки.

— Колю все немного считали балансом: работал он телятником и до сих пор не мог выбрать, кем стать. Бродяга, невезучий потаскун за старыми девами, истопник стакана Николай врезался на мотоцикле в забор и повис на нем, ранив до крови живот.

Я на своем рычащем мотоцикле доставил пострадавшего в медпункт. Разумеется, я сказал, что Николай Бобров невнимательно чихнул, стоя около жерди.

— Что вы этим хотите сказать? — спросила вьющимся голосом Лилита Бамберга которая больше читала, чем жила.

— У вас, среди яньстрельцев есть свой Чехов или Толстой? Может быть Пастернак?

— Что вы этим хотите сказать?

— Я тоже немного читал. *Davajte* дружить!

— Не говорите глупостей!

Интересно, какова она на дискотеке и после нее?

Стр. 178.

Отправился через канаву к Вере. Не пойманная жемчужина? У меня еще не было ни

одной яньславстины. Я слышал, что яньстрельские официантки, парикмахерши охотно пускаются с мигрантами — так они, — кто тише, кто громче, называют нашу братву — собирают впечатления и даже кого-нибудь из нас себе выбирают, и с тех пор обычно бывают хорошими женами. Так ли это, Вера Смирнова.

Стр. 179.

Кришьянис Граев (сожигатель Веры).

Девиз Веры — *glavnoe, rebata, dušoj perestroitsja*.

Стоило прибить этого Кришьяниса Граева и остаться?

Двадцатисемилетний или тридцатилетний (Кришьянис Граев), раненый стрелой Амура, иногда выглядевший и того старше яньстрелевец с носом пьянчужки (с сизым носом), вытряхивающий из бутылки последнюю каплю, создатель попури винчика и водки. И Вера будет тащиться за своим ночным стражем.

Стр. 180.

Здесь где-то жила Инара Гин в недостроенном типовом домике. У Инары Гин каждый день было похмелье со вчерашнего, безразлично, пила она или нет.

— Володя, ты пришел?

— Нет, я не Володя, но разве это так важно?

— Сергей?

— Не надо гадать.

— Промочить глотку у тебя есть?

— Нет, но вот тебе будет, если хочешь.

Такие женщины встречаются в каждом народе. Пока я выходил, немного проветрилась память. Было бы хорошо, если бы кто-нибудь эту сырую Инару Гин случайно убил бы.

Стр. 181.

...Я бесстыдно мал. Там валяется яньстрелец этот, бездомный алкаш с Верой.

Володя Главный вздрогнул и тихо сказал:

— Кончать!

Николай Боров взвыл в капризном нетерпении...

— Там Вера и этот полумертвец? — Володя Овчинников неизвестно почему почти с плачем спросил.

Стр. 183.

Хотелось нажраться, бить, рвать! Как я буду бить яньстрельцев на их летнем празднике солнцеворота!

Стр. 184.

Ха! Я, Виктор Маршев тоже однажды подобный (венок) надел на свою голову, но по-

том я напраздновался так, что по пути мне и роскошный венок мешал. Леса и облака смотрели на яньстрельцев, широко раскрыв глаза, — действительно ли они пиво пили маленькими глотками?

— Наскочили на них сразу! — Коля сказал, — как бы они еще не поднялись в воздух и не улетели.

— Сейчас, пусть еще соберутся.

— Я уложу их нескольких на месте. — Главный решил. Странная звездочка с неба упала, мне на ладоньку *legla i propala*.

Абдель еще одну откупорил.

— Правду говоря, я яньстрельцев хотел бы понять, но они все же меня избегают и я чувствую себя обойденным.

Поют будто вдаль взирая, как бы искры губами хватая.

Бутылку осилили.

— Ну — Лиго, Лиго, Лиго. Припева больше, чем песни.

Исключительно нетерпеливыми ртами быстро выпиваем по последней и еще до посуды, выбрасываем в траву. Мы все сразу охмелели, в одно мгновение. Сергей из поселка, он пересекал все океаны, как Колумб, но где же в эти дни ты как первым появишься? Сергей проглотил еще таблетки. Он хотел быть злым, *kak sukin sin*.

— Пиво и девки! Показуха!

Сколько еще бутылок?

Перчатки — шипы из гвоздей были у нас четверых предыдущих. Прочные цепи, у всех, их иногда складывали как исполненные разрушительной силы страсти, неторопливо.

— Вперед, братва!

Уже в поезде распределились — посреди дороги плотно в ряд тесно сплоченные на мотоциклах. Больше не было предосторожности.

Я чувствовал конец цепи в своей руке, мотыгу.

— Теперь еще не надо, — крикнул я.

— Попугаем?

— Что скажет Главный?

— Ну тебя *k djavolu!*

У меня за плечами и спиной братва ругалась. Но я чувствовал, что в этой поездке мы только попугаем.

Бросились все на середину луга — там от великолепного огня, от молниеносных искр на нас посмотрели. Крайние отбежали — они только в течение неполной минуты поверили, что мы злы. Сергей был пьян выше некуда, но гнался за каштаново-коричевой девушкой,

переехал бы ее, но она действительно счастливо споткнулась, и Сергей сейчас же унесся. Крики возмущения в воздухе. И успокоение. Чувствовали. Мы чувствовали людской страх, как затмение луны. Теперь будет поздно вам, яньстрельцы, все постигать.

Повернулись, как в корзинку запихиваясь, пучки травы отлетали от колес как зеленые свечи.

Ну, больше нельзя было мешкать. Я несдержан, несознательно кровожаден?

— погоди *lupitj*.

К нам, рот до ушей раскрыв, поспешил Эдгар Ош, совершенно бесчестный, бывают такие как порода, у кого — рука отдельно, голова также, весь отдельно. Такие — либо с настырным паром, либо чересчур холодные и скользкие.

— Ну, что *lezeš*?

Ну, теперь на полном галопе.

Володя Овчинников отбарабанил «В пещере, *na ostrih kamňah*».

Мы кричим и ругаемся, но сквозь грохот мотоциклов наши голоса, кажется, не пробиваются.

Еще мы по-настоящему не врезались в толпу праздновавших Лиго, как они все разбежались кто куда, испугавшись нас. Я перепрыгнул через костер, и мне это хорошо удалось. Николай Бобров толкнул пивной бидон, завыл, как собака — опять придется обращаться в медпункт, но это можно будет сделать только утром. Чистая шутка, кругом теперь был дождь криков, дымился разбитый костер.

— Возьму в плен, — кто-то кричал.

— Они меня будут уважать. Они еще меня будут уважать.

Цепи, хромированные цепи мотоциклов, вы еще кровью не обагрились?

Но я тоже уже пьянел. Луг мне казался зеленым покрывалом.

У кого нет своей мысли, тот служит порыву ненависти. Володя Главный уже попал по плечу. Раненый уже схватил одну руку другой, как бы повисшую на повязке.

Нам нужно получить всю злость, быстроту, всю дикость, приобретенные в жизни. Я увидел мелькающие в воздухе перчатки с гвоздями.

Было такое чувство, что у нас никогда не было родителей, мы как будто родились от кучи камней или кирпичей.

Блеснула в воздухе хромированная мотоципель Володи Главного, яньстрельский пат-

риарх застонал, — это можно было только видеть; заблестал будто надетый на палку шашлык — оружие Виктора Маршева. Я его не опускал быстро вниз, но держал поднятым в воздух, как розгу.

Володя Главный и Абдель Михайлов потерялись в яньстрельцах *matuški*. Разорвет уже избранного Абделя?

Мотоцикл уже взлетел в воздух. Вот тебе и Юрьев день! Кто-то звал храброго, упавшего.

Произошло все это так неожиданно, что восемь остальных мотоциклов бросились в сторону, трое даже пропали в лесу; они бежали с места события как с утопающего корабля.

Володя Главный боролся будто опоясанный шпорами, как таинственное чудовище, не сдаваясь. Мне казалось — он еще смеялся, как будто продолжалась тупая шутка.

Откровенно говоря, больше досталось мотоциклам, чем нам, и досталось тоже не всем, а трем мотоциклам. Раздражены все оказались ужасно. Я бросился на свой «Иж-Юпитер», нет, на того, который был рядом со мной, еще цел и вредим. Передо мной мелькнули бледные, голубые глаза.

Еще Абдель Михайлов дрался перчатками с гвоздями, его мотоцикл был весь в березовых ветвях, кой-кому от него досталось; но вдруг сломалась поперечена, дубина, так проплыла в воздухе. И Абдель остался без носа, без своего каучукового воспитанника. Абдель неизвестно почему глубоко и вопросительно посмотрел на меня.

Мне казалось, он шептал: люльку *ironil*.

Потерял нос, ну и что, — и много, и мало.

Я схватил Абделя, посадил на чей-то мотоцикл, он помотал головой, без носа вид весьма печальный.

— Уронил.

И вот я вспомнил, как он однажды, проснувшись, — для Абделя это настоящая мука — мне рассказывал лаконично и весьма выразительно со знаменитыми своими пропусками, почти как сам Мопассан, как он дошел до самого первого заместителя министра, пока получил грациозный протез носа. И теперь этот каучуковый нос валялся где-то в траве, в растоптанном дерне. Какая печаль завладела молодым и упругим телом Абделя и мною. Все это на глазах яньстрельцев.